
С. В. Романова

ЖЕНСКИЕ ОБРЯДЫ И ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНОВОДСТВОМ

(на материалах Вологодской губ. конца XIX—начала XX в.)

Животноводство имело большое значение в жизни крестьян Русского Севера. Скот прежде всего использовали как источник удобрения, крайне необходимого для почв северной лесной зоны. С конца XIX—начала XX в. животноводство в южных областях Русского Севера, в частности в Вологодской губ., начало играть и самостоятельную роль, как мясо-молочная отрасль: артельное маслоделие и сыроварение приобретают товарное значение.

Земледелие в Вологодской губ. хотя и оставалось основной отраслью крестьянского хозяйства, но находилось в сильной зависимости от состояния животноводства, которому уделялось повышенное внимание. Этим объясняется и тот факт, что уход за скотом и животноводческая обрядность занимали особое место в традиционном крестьянском быту: «У северных русских, а также в Сибири более стойко сохранились животноводческие обряды, большое значение придавалось здесь действиям со скотом и пастушеским заговорам», — писала В. К. Соколова¹.

Совершая обряды, направленные на защиту скота от различных вредоносных сил и увеличение его плодовитости, крестьяне тем самым заботились и о будущем урожае, что обусловливало тесное переплетение аграрной и животноводческой магии.

Животноводческие обряды, как календарные, так и ситуативные, могли совершаться индивидуально и коллективно. Индивидуально их исполняли хозяйка (например, обряды, производимые на Покров, после отела, во время болезни скота), хозяин, в обязанности которого входила забота о лошадях, и пастух. Коллективные обряды происходили во время массового падежа скота и для его предотвращения (например, действия, связанные с живым огнем, прогон животных через магические ворота и т. д.); ритуальное значение для всей общины имели мужские трапезы со съедением «жертвенных животных» (на день пр. Ильи, св. Николая).

Помимо обрядов, непосредственно связанных со скотом, существовали животноводческие обряды, которые входили в более широкие обрядовые комплексы, носящие обычно календарный характер. Эти повторяющиеся циклично обряды были предметом исследования В. Н. Чичерова, В. Я. Проппа, В. К. Со-

коловой² и др.: святочные (новогодние) и весенние обряды, носившие подготовительный характер. Различные животноводческие обряды производились в дни святых, считавшихся покровителями разных пород скота: св. вмч. Георгия (23/IV)³, св. Николая (9/V и 6/XII), св. мч. Модеста (15/VII и 18/XII), пр. Ильи (20/VII), мчч. Флора и Лавра (18/VIII), св. вмч. Власия (11/II) и т. д.

Основные комплексы животноводческих обрядов были приурочены к дню св. Георгия Победоносца и празднику Покрова Пресвятой Богородицы (1/X), которые являлись границами стойлового и пастбищного периодов.

В данной работе речь пойдет о животноводческих обрядах, исполнительницей которых была женщина, а также о трудовых приемах и навыках, связанных с животноводством. Работа основана главным образом на материалах Вологодской и отчасти других севернорусских губерний.

С обряда загона скота в стойло и закармливания его «на зиму» в Покров обязанность заботы о крупном рогатом и мелком скоте полностью переходила на женщину, обычно на «большуху», старшую женщину в семье (уход за лошадью находился в ведении хозяина дома³). В Череповецком у. Новгородской губ., на границе с Вологодчиной, в этот день хозяйка давала каждому животному по пучку колосьев из последнего снопа и говорила: «Скотинка-матушка, закармливаем тебя на весь годовой год»⁴, — что означало обеспечение благополучия скота в течение всего стойлового периода. В Вологодской губ. период стойлового содержания длился 7—8 месяцев⁵, и всегда существовала опасность, что корма иссякнут до начала выпаса, поэтому на Петра-Полукорма (16/I) крестьяне проверяли количество оставшихся запасов: если корма оставалось меньше половины, сокращали норму его выдачи.

Уход за скотом, как уже было сказано, находился в ведении хозяйки дома. Работы по уходу за скотом в течение дня, по свидетельству корреспондентов Этнографического бюро кн. Н. В. Тенишева из Вельского у., происходили в следующем порядке.

Зимой хозяйка вставала в 4 часа утра, затапливала печь и готовила коровам корм⁶. Основным кормом для крупного рогатого скота было сено, смешанное с соломой, а в бедных сенокосными землями районах только солома, ошпаренная кипятком и посыпанная овсяной мукой с солью⁷. Первая кормежка происходила в 8 часов утра, вторая — в 6 вечера. В 9 часов утра и в 6 вечера скот поили. Доили скот два раза в день — утром и вечером⁸. К дойке молодой коровы приступали постепенно. Первому теленку некоторое время давали сосать мать. Но так как он сначала не мог высосать все молоко, хозяйка, чтобы не уменьшался удой, сама «отдаивала», в то время как теленок сосал⁹. Таким образом корова постепенно привыкала к дойке.

Если теленок кормился молоком матери слишком долго, ему надевали намордник, утыканный острыми гвоздями, чтобы отучить его сосать. Бывало, что он колол этим намордником вымя корове, и та отбегала¹⁰. Сначала корову доили двое (женщин. — С. Р.): одна доила, а другая держала за шею, чтобы корова стояла спокойно¹¹. При дойке часто помогала старшая дочь или невестка. В летнее время муhi и комары сильно беспокоили скот, и хозяйка заставляла свою маленькую дочку отгонять насекомых веткой, чтобы корова, отмахиваясь от них, не вытолкнула из рук подойник¹².

Таким образом, девочки наблюдали этот процесс и участвовали в уходе за скотом с детства, постепенно приобретая необходимые навыки.

* Все даты в работе даются по старому стилю.

Для получения максимально большего уюя, как описывает Н. А. Иваницкий, совершался ряд магических действий: подойники и кринки мыли корнем папоротника и окуривали ладаном, а чтобы был толще «вершок» (сливки), в каждую кринку погружали ветку, на которой сидела и кричала кукушка, или давали лизать посуду черной кошке¹³.

Существовал ряд примет, по которым определяли, много ли будет молока: так, в Каргопольском у. Олонецкой губ., если Благовещение (25/III) приходилось на среду или пятницу, то ожидали малого уюя¹⁴, если первым у коровы рождался бычок, то молоко у нее будет прибывать¹⁵. В Кадниковском у. молоку приписывали способность тушить пожар, вызванный молнией, в то время как от простой воды он разгорался еще сильнее¹⁶.

В пастбищный период, особенно в районах, где практиковался выпас без пастуха, круг обязанностей женщины расширялся. Хозяйка ежедневно должна была выгонять скот на пастбище и загонять во двор. Рано утром она доила коров и отправляла их на поскотину. Некоторые коровы возвращались на ночь домой, так как их пригоняло молоко. Другие, не наевшись за день, оставались пастись. На закате подростки и женщины отправлялись искать своих коров и на их отыскивание тратили очень много времени. Иногда поиски оказывались безрезультатными, и коровы оставались в лесу без доения, что весьма вредно сказывалось на их молочности¹⁷.

В Вельском у., по сведению корреспондента Этнографического бюро кн. Тенишева, «многие животные не возвращаются домой или приходят ободранные. Замечательно, что в иное лето [медведь] напускается на одну семью и разоряет ее вконец, истребив одну за другой всех ее коров (скот, принадлежащий одной семье, обычно держался вместе. — С. Р.)»¹⁸. Для того чтобы было легче искать свое стадо, на одну из коров каждый домохозяин надевал колокольчик. Это мог быть железный колокольчик (рис. 1), деревянный долбленый колоколец (рис. 2) или бубенцы (рис. 3). Чтобы вернуть пропавших животных, нужно было обладать особым «знанием», которое обычно либо получали от «знающих» людей, либо передавали по наследству, от матери к дочери. Так, например, в Череповецком у. в случае пропажи скота знахарка советовала кинуть через себя в лесу несколько веточек в ту сторону, куда ушла корова, и вернуться домой. При этом нельзя было оборачиваться или встретить кого-либо, иначе «найдешь мертвую скотину»¹⁹. В Вельском у., если потерявшееся животное не было найдено, хозяйка шла следующей ночью в лес на перекресток дорог и левой рукой бросала восьмую часть фунта табака, говоря: «Тебе, церт, — табак, а мне корова»²⁰; если корова возвращалась, ей вешали на шею колокольчик и повязывали крестик, чтобы «черт вновь не завладел коровой»²¹. Таким образом хозяйка «выкупала» свою корову у лесного хозяина.

Там, где практиковался выпас скота разными членами общины, женщина также могла пасти скот, как и подростки, старики, бобыли, нищие, убогие и т. д., хотя профессиональное пастушество было чисто мужским занятием²². Женщина первой выполняла функцию обхода, и, бывало, сама до окончания сева пасла скот, пока не нанимали пастуха²³. Но в целом выпас скота женской был редким явлением.

Комплекс обрядов, которые сопровождали первый выгон скота на пастбище, включал в себя, помимо пастушеских, семейные обряды. В Егорьев день коровы считались именинницами, поэтому, как полагал Н. А. Иваницкий, им давали по куску пирога и подстригали хвосты²⁴. Выгоняли скот освещенной вербой через положенный вдоль ворот хлева пояс. При этом хозяйка

Рис. 1. Колокольчик на корову железный.
Вологодская губ. Начало XX в. (1905 г.)
(РЭМ, № 770-55).

Рис. 2. Колоколец на корову
деревянный долбленый с хомутком,
плетенным из бересты.

Вологодская губ., Сольвычегодский у. Нача-
ло XX в. (1911—1912 гг.) (РЭМ, № 2164-5).

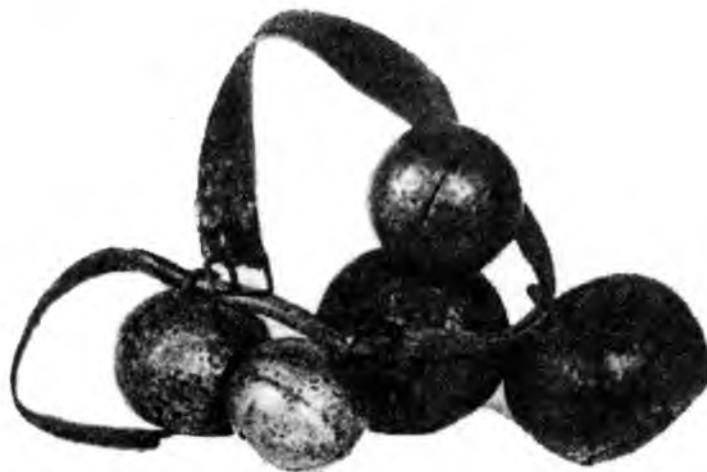

Рис. 3. Связка бубенцов на ремне.
Вологодская губ. Начало XX в. (1905 г.) (РЭМ, № 770-52/1-5).

произносила заговор: «Как этот пояс держится меня, так бы и скотина держалась моего дому, отныне и до веку, аминь». Рядом с поясом клали иногда нож, топор, шейный крест и засушенное растение, называемое «петров крест» (*Calligraphis innata*)²⁵.

Все обязанности женщины по отношению к скоту оставались неизменными и во время сенокосных работ, когда нарушался обычный ход жизни. На дальние сенокосы выезжали целыми семьями, а иногда и общинами, и зачастую оставались там ночевать. В этом случае, например, в Вельском у., отправляли домой большуху, чтобы она «обрядила» коров²⁶.

В пределах своего дома-двора женщина постоянно «столквалась» с домовым и дворовым, милость или немилость которых к хозяевам проявлялась прежде всего на скоте²⁷. При переезде в новый дом обязательно приглашали с собой домового, иначе скот не будет плодиться²⁸.

Хозяйка должна была знать, как вести себя, чтобы не вызвать гнева домового/дворового. Существовали определенные нормы поведения, нарушение которых могло нанести вред не только скоту, но и людям. Так, в одной быличке девушка вышла давать корм коровам, но увидела на повети домового — и умерла²⁹. Нельзя было находиться в хлеву босиком и простоволосой; входя в хлев, нужно было громко заговорить, чтобы не застать дворового врасплох, иначе могло последовать наказание. Если хозяйка «провинилась» перед дворовым, исправляли положение различными способами задабривания. Эти обряды часто были приурочены к дням св. Ефрема Сирина (28/I), Анны-Пророчицы (3/II) и арх. Михаила (8/XI)³⁰.

Пространство, которое занимало каждое конкретное хозяйство, обладало не только видимыми, но и невидимыми границами. Крестьяне всячески старались замкнуть эти границы, чтобы не допустить проникновения в пределы дома-двора вредоносных сил. Для этого существовал целый ряд оберегов, очистительных и охранительных магических действий. Любые изменения и внедрение чего-то чужого в хозяйственную систему были, в крестьянском сознании, нежелательны и опасны, но часто необходимы для нужд хозяйства. При этом совершили различные обрядовые действия, чтобы обезопасить себя от нежелательных последствий. Например, при покупке или продаже скота соблюдали целый ряд правил. Эти правила и обрядовые действия носили разный характер в зависимости от того, для чего покупался скот — на убой или на племя. В последнем случае он даже стоял дороже, так как продавец опасался, что вместе с проданным животным к покупателю перейдет и удача³¹. Скот не продавали человеку, живущему ниже в пространстве деревни, например под горой, полагали, что «счастье скатится»³². Человек, продающий скот, должен был тайком вырвать клок шерсти и бросить его себе под ноги, шепча или думая про себя: «Мое при мне осталось»³³. Таким образом, продающий как бы не нарушал системы, сохранял ее целостность. Считалось, что продавец мог магическими действиями отнять телят, оставить у себя все будущие удои. Чтобы этого не произошло, покупали коров вместе с подойником или кринкой³⁴.

Купленное животное вводили во двор через пояс, который, после того как корова через него переступала, хозяйка тотчас одевала на себя³⁵. Купив животное, старались создать магическую границу между ним и прежним хозяином. В Шенкурском у. Архангельской губ., угоняя корову лесом, три раза связывали за ней ветки деревьев и говорили: «Вперед тебе дороженька, назад дороги нет»³⁶. Затем животное вводили во двор и последний след от ее ноги бросали туда же, говоря: «Милый живот, твой след во дворе и ты стой во дворе»³⁷.

Особую актуальность обряды приобретали во время отела коров (начало февраля). Связь коровы и новорожденного теленка с домом и хозяйкой всяче-

ски подчеркивалась, производились очистительные и охранительные обряды; с целью сохранения здоровья скота призывали в покровители святых: Агафью-Коровнице (5/II), Вукола-Телятника (6/II), Власия. Отелившаяся корова и новорожденный теленок считались нечистыми, употреблять в пищу их мясо и молоко запрещалось. Первый день нередко корову доили «в навоз», потом в течение 8—12 суток — в нечистую посуду, а молоко давали теленку³⁸. Перед тем как начать употреблять молоко, хозяйка совершила обряд очищения, называвшийся «молить корову»³⁹. Этот обряд имел локальные варианты. В Кадниковском у. хозяйка наливалась в чистую посуду воды, приготавливала горячие угли, ладан и мешок и молилась. Взяв все это, она прислонялась к печному столбу и говорила: «Матушка-коровушка, стой так же крепко, как этот столб!» Потом она обмывала корову и обтирала ее мешком, приговаривая: «Косточки, суставчики, собирайтесь в одно местечко; как скоро насыпается в мешок зерно, так скоро наливайся у коровушки молочко», после чего происходило окуривание⁴⁰. В Никольском у. окуривали корову на третий день после отела. В окуривании обычно принимали участие двое, хозяйка и ее подруга (т. е. женщина, относящаяся к хозяйке и ее хозяйству доброжелательно или нейтрально, которая не могла глядеть). При этом между ними происходил следующий диалог:

- Что куришь?
- Курю уроки.
- Кури, кури, чтоб их вовек не было⁴¹.

Из первого чистого молока варили кашу, часть которой давали корове. При этом произносили заговор, в котором просили здоровья для коровы, изобилия молока, рождения не бычков, а телочек⁴². Теленка сразу после рождения уносили в избу и 1—2 недели скрывали от посторонних, чтобы не было сглаза. В Кадниковском у. его переносили в мешке через положенные вдоль порога пояс и топор⁴³. В избе теленка прикладывали к печной заслонке, говоря при этом: «Как эта заслонка держится печки, так же крепко держись и ты своего двора»⁴⁴.

Целый комплекс обрядов был связан с нарушением нормального хода хозяйственной жизни и с предотвращением этих нарушений: болезни и смерти животных в конкретном хозяйстве, массовых падежей скота. Эта обрядность заключалась в совершении различных магических действий наряду с использованием рациональных методов лечения. Например, при «потере жвачки» корове просовывали в рот лыко и завязывали его за рогами. Когда корова пережевывала это лыко, жвачка у нее восстанавливалась. Или же давали пожевать другой корове, здоровой, но одной масти с заболевшей, кусок хлеба, часть которого скармливали больной⁴⁵. Часто молоко пропадало из-за болезненного затвердения вымени («грудник»). Чтобы его вылечить, вымя обмывали настоем трав⁴⁶ и доили через отверстие в камне, растирая этим камнем больное вымя⁴⁷. Для удаления из тела животного болезни, которая воспринималась как особое существо, применялась катартическая (очистительная) магия. Такая обрядность, в отличие от профилактической, носила некалендарный, ситуативный характер. Хозяйка сама лечила скот или, как и в случае его потери, обращалась к «знающим» людям.

Причиной болезни, по народным верованиям, могла быть порча, которую наслал другой человек, вред от колдуна или чужого домового. Когда хотели известить чужой скот, как описывает Н. Е. Грысык, под окладное бревно дома кладли кости павших животных и говорили: «Кость на дом, и скот вон»⁴⁸. Когда

болезнь была неизвестна, ее называли «озык» и приписывали влиянию злого человека⁴⁹. Считалось, что от этого у скота может произойти «встреча», т. е. паралич⁵⁰. Внезапную потерю молока у коровы также объясняли вредоносными действиями людей, знающих с нечистой силой. Корову, потерявшую молоко, называли «ялоухой»⁵¹. Для снятия оговора обращались к колдуны⁵². Как средство от сглаза были распространены плевки, спрыскивание водой через уголь, различные вязкие и клейкие вещества, например для предохранения от болезней коров мазали лягтем⁵³. С той же целью употребляли различные продукты, приготовленные в Великий четверг, например давали скоту четверговую соль⁵⁴. Животным мог повредить домовой, если он был недоволен хозяйствой. Если причину болезни коровы видели в действиях чужого домового, хозяйка совершила обряд его изгнания. Она заходила в хлев с украденной косой и делала вид, что косит, произнося при этом: «Свой соседушко, за меня поберегись, чужой — вон выходи»⁵⁵. Оберегами от чужого дворового служили чертополох, крапива, можжевельник и т. д. Пытались лечить скот, воздействуя и на саму болезнь. В таком случае произносили заговоры, обращенные к этой болезни⁵⁶. Как бы ни объясняли причину болезни, ее суть обычно сводилась к мысли о проникновении в жизнь семейного коллектива какой-то враждебной силы.

То же можно сказать и о крестьянском понимании причин массового падежа скота. Но поскольку это бедствие затрагивало всех членов общины, то и обрядность носила коллективный общинный характер. Типологизации и районированию обрядов, связанных с падежом скота, посвящена работа А. Ф. Журравлева⁵⁷. Повальные болезни скота персонифицировались как «коровья смерть». Обряды, направленные на ее изгнание, состояли из следующих магических действий: опахивание, захоронение какого-либо животного (персонификацию «коровьей смерти»), действия, связанные с добыванием «деревянного огня», окуривание, действия, связанные с «объденными» вещами. Все они в той или иной степени присутствовали в ритуальной практике населения Русского Севера, в частности Вологодской губ.⁵⁸. Исполнение некоторых из этих обрядов являлось женской функцией. А такой обряд, как опахивание, был исключительно женским. Эти обряды могли совершаться как во время «оскотья» (т. е. падежа от сибирской язвы), так и носить предохранительный характер. В последнем случае они производились в дни святых покровителей скота: Власия⁵⁹, Агafьи⁶⁰, Егория⁶¹. Опасаясь массовых падежей, крестьяне примечали: если в избе много тараканов — это к прибыли скота, если мало — это верный признак оскотья⁶². Помимо коллективных существовали и индивидуальные обряды, направленные на предотвращение падежа и совершаемые хозяйствой. Например, в Вельском у. во время повальных болезней на каждое животное кистью, предварительно опущенной в смолу, клали знак в виде креста. После этого весь скот поили водой, в которую перед этим опускали косы, сопровождая это заговорной формулой: «Как коса эта отсекает траву от корня, так и вода эта пусть отвлекает от скота моего всякие болезни»⁶³. Целью всех этих магических действий было изгнание «коровьей смерти» за пределы территории двора и общины.

Магическая сила, которой обладала данная семейно-хозяйственная или общинная группа и которая действовала во благо этой группы, писал В. В. Богданов, была действительна только в пределах строгих территориальных границ этой группы⁶⁴. Она способствовала восстановлению нормального функционирования хозяйственного механизма и, соответственно, нормального хода всей жизни путем отторжения всего, что этому мешало. И важная роль в этом принадлежала женщине.

Таким образом, для Русского Севера было традиционным то, что реальная (хозяйственная) и иррациональная (обрядовая) функции заботы о скоте отно-

сились, за редким исключением, к женской сфере деятельности. Обряды и нормы поведения, связанные с домовым/дворовым, покупкой и продажей скота, отелом, болезнями, являлись сакральным знанием и были во многом обусловлены представлением о роли женщины. Эти знания наравне с трудовыми приемами и навыками передавались в рамках семьи и общины.

¹ Соколова В. К. Весенне-летняя календарная обрядность русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 268 (далее: Соколова, 1979).

² Чичеров В. Н. Зимний период русского земледельческого календаря // ТИЭ. М., 1957. Т. 40 (далее: Чичеров); Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995 (далее: Пропп); Соколова, 1979; Она же. Заклинания и приговоры в календарных обрядах // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982; Она же. Календарные обряды и поэзия восточнославянских народов в начале XX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978; Она же. Особенности календарных обрядовых песен восточных и южных славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983 и т. д.

³ АРЭМ, ф. 7, д. 112, л. 3.

⁴ АКЭА СПбГУ, полевой дневник Дмитриевой Е. М. за 1993 г. № 2. Л. 29.

⁵ Индова Е. Н. К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX века // Европейский Север СССР: Северный археологический сборник. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 274.

⁶ АРЭМ, ф. 7, д. 112, л. 6.

⁷ Там же. Л. 2, 6.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ АРЭМ, ф. 7, д. 102, л. 23.

¹¹ АРЭМ, ф. 7, д. 112, л. 7.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. Изв. ОЛЕАЭ. М., 1890. С. 39 (далее: Иваницкий).

¹⁴ Дурасов Г. П. Обряды, связанные с домашним скотоводством на Каргополье // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 104 (далее: Дурасов).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Неуступов А. Д. Следы почитания огня в Кадниковском уезде // ЭО. 1913. № 1—2. С. 247 (далее: Неуступов).

¹⁷ Итоги экономического исследования крестьянского населения Устьысольского уезда Вологодской губернии. Пермь, 1903. С. 89—90.

¹⁸ АРЭМ, ф. 7, д. 98, л. 8.

¹⁹ АКЭА СПбГУ, полевой дневник Егорова С. Б. за 1993 г. № 1. Л. 10—11.

²⁰ АРЭМ, ф. 7, д. 112, л. 5—6.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Финченко А. Е. Традиционная хозяйственная деятельность кокшаров, устьян и ваган в конце XIX—первой трети XX века // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 46—47.

²³ АРЭМ, ф. 7, д. 106, л. 7.

²⁴ Иваницкий. С. 40.

²⁵ Там же. С. 39—40.

²⁶ АРЭМ, ф. 7, д. 106, л. 10.

²⁷ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов. М.; Л., 1957. С. 95.

²⁸ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Под ред. К. В. Чистова. М., 1991. С. 414 (далее: Зеленин, 1991).

²⁹ Богатырев П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда // ЭО. 1916. № 3—4. С. 55.

- ³⁰ Чичеров. С. 224–225; Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1901. С. 469.
- ³¹ Зеленин, 1991. С. 94.
- ³² Там же. С. 95.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 89.
- ³⁶ Дурасов. С. 104.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Зеленин, 1991. С. 92; Иваницкий. С. 39.
- ³⁹ Зеленин, 1991. С. 92.
- ⁴⁰ Шустиков А. Троичина Кадниковского уезда (Бытовой очерк) // ЖС. 1892. Вып. 3. С. 123–124 (далее: Шустиков); Иваницкий. С. 39.
- ⁴¹ Иваницкий. С. 39.
- ⁴² Зеленин, 1991. С. 92.
- ⁴³ Неуступов. С. 264.
- ⁴⁴ Шустиков. С. 124; Иваницкий. С. 39.
- ⁴⁵ Иваницкий. С. 40.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Зеленин Д. К. Магическая функция примитивных орудий // Изв. АН СССР. Л., 1931. № 6. С. 726 (далее: Зеленин, 1931).
- ⁴⁸ Грысык Н. Е. Лечебные и профилактические обряды русского населения бассейна Ваги и Северной Двины // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 67 (далее: Грысык).
- ⁴⁹ Иваницкий. С. 41.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ АРЭМ, ф. 7, д. 102, л. 23.
- ⁵² Иваницкий. С. 41.
- ⁵³ Зеленин, 1931. С. 748.
- ⁵⁴ Соколова, 1979. С. 105.
- ⁵⁵ Грысык. С. 67.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Журавлев А. Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978.
- ⁵⁸ Иваницкий. С. 40–41.
- ⁵⁹ Чичеров. С. 224.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Шаповалова Г. Г. Егорьевский цикл весенних календарных обрядов у славянских народов и связанный с ними фольклор // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 130.
- ⁶² Иваницкий. С. 41.
- ⁶³ АРЭМ, ф. 7, д. 112, л. 8.
- ⁶⁴ Богданов В. В. Древние и современные обряды погребения животных в России // ЭО. 1916. № 3–4. С. 111.